
Надточий В. Д.
БРОД
И КЛЯТВА
18+

Владислав Надточий
Брод и клятва

https://litres.ru/74937749
SelfPub; 2026

Аннотация

Её судьбу решили без неё. Его считали человеком, которому не суждено вернуться. Но одна тайная клятва изменила всё.

Русь XVI века. Настасья, дочь состоятельного отца, отказывается покориться чужой воле. Её сердце принадлежит Василию Кропоткину — воину, вернувшемуся из плена. За право быть вместе им предстоит заплатить страшную цену.

Тем временем войско Девлет-Гирея движется к русским рубежам. Над землёй нависает угроза разорения, и личная борьба двух влюблённых становится частью большой истории.

Исторический роман о любви вопреки обстоятельствам, воинской чести, предательстве и верности данному слову. О людях, которым предстоит отстоять не только своё счастье, но и родную землю.

Содержание

Пролог 5
Часть первая. Клятва 7
Глава 1. Яблоко у паперти 7
Глава 2. За папертью 16
Глава 3. Тайный венец 28
Глава 4. Затвор 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Владислав Надточий
Брод и клятва

БРОД И КЛЯТВА

Пролог

Стрела вонзилась в колесо у самой Настасьиной руки. Древко задрожало. За щитами гуляй-города кричали люди, ржали кони, гремели самопалы. Дым прижимало к земле. Сквозь него едва угадывалась река — та самая, у которой Василий велел ждать, если строй рассыплется.

Настасья не ждала. Уже третий раненый твердил, что сотню Кропоткина отрезали у брода. Один видел Василия живым. Другой — упавшим. Третий клялся, что туда прорвались ханские всадники и назад никто не вышел. Каждый рассказывал лишь то, что успел увидеть.

— Куда собралась? — Марфа схватила её за рукав окровавленными пальцами.

— За мужем.

— Здесь у тебя двадцать мужей без жён. Держи повязку.

Настасья прижала холст к чужой ране. Мужчина под её руками был совсем молод, младше погибшего брата. Он смотрел на неё с той беспомощной надеждой, с какой утопающий смотрит на берег. Уйти сейчас значило бросить его. Остаться — возможно, потерять Василия.

За телегами кто-то закричал, что левое крыло бежит. Люди качнулись к дороге. Ещё мгновение — и страх разорвёт строй быстрее ханской конницы. Настасья подняла самопал, выстрелила поверх голов и сама удивилась силе своего голо-

са:

— Стоять! Бегущих у брода режут первыми. Здесь щиты. Здесь вода. Здесь наши!

Она не знала, правда ли это. Но люди остановились. Кто-то вернулся к щитам, за ним потянулись остальные.

Из дыма вынырнул Ерёма Кошкин. На плече он тащил раненого казака. Борода Ерёмы обгорела, кафтан был рассечён от ключицы до пояса.

— Кропоткин? — спросила Настасья.

Старик молча посмотрел в сторону реки.

Она передала повязку Марфе, проверила порох на полке и шагнула за щиты. До брода было меньше версты. Путь ей преграждало войско Девлет-Гирея.

А ведь ещё весной она не знала Василия. Всё началось с нелепой ссоры у московской церкви.

Часть первая. Клятва

Глава 1. Яблоко у паперти

До смотрин оставалось ещё два часа, но Гордей Свиньин торопил дочь так, словно от быстроты саней зависела судьба всего рода. Он сам проверил застёжку на её шубейке, велел служанке заново переплести косу и трижды напомнил, как следует отвечать постельничему. Настасья слушала молча. Под сукном у неё был спрятан узкий кожаный наруч, принадлежавший погибшему брату. Отец запретил надевать его: будущей жене богатого человека не подобало выглядеть стрельцом. Она всё-таки надела.

Москва после зимы казалась городом, который только что вытащили из реки. С крыш капало, под полозьями чавкала чёрная жижа, из переулков тянуло золой, навозом и кислым тестом. На Трубной торговцы выкрикивали цены, нищие тянули руки к саням, а у церковной ограды толпились семьи с наряженными дочерьми. Родители надеялись выгодно выдать дочерей замуж. Настасья смотрела на них и думала, что лошадей на торгу выбирают честнее: коню хотя бы заглядывают в зубы, а не спрашивают, умеет ли он молчать.

Гордей заметил её взгляд.

— Не кривись. Головлёв дал слово оставить тебе вдовью

долю.

— Сперва надобно стать вдовой.

— Всякая жена когда-нибудь становится вдовой.

— А всякий отец когда-нибудь отвечает перед Богом.

Он поднял руку, но вокруг было слишком много людей. Ладонь медленно опустилась. При свидетелях отец не решился её ударить.

У церковных ворот Устинья сунула Настасье яблоко. С утра та ничего не ела, а до смотрин оставалось ещё долго. Настасья откусила на ходу, придерживая рукой ремень собственного колчана, спрятанного под полой шубейки.

В толпе мальчишка налетел ей на плечо. Пряжка, которую служанка утром застегнула второпях, разошлась. Колчан Настасьи ударился о мостовую, и её стрелы рассыпались по грязному снегу.

Стоявший рядом молодой ратник успел поймать одну стрелу, прежде чем она коснулась земли. Он провёл пальцем по отсыревшему оперению, проверил древко и покачал головой с видом мастера, которому принесли негодную работу.

— Такой стрелой только ворону смешить, — сказал он.

Настасья вспыхнула. Стрелы принадлежали погибшему брату; после его смерти она сама чинила оперение и считала, что делает это не хуже любого дружинника. Хуже всего было то, что незнакомец оказался прав: две стрелы действительно повело от сырости.

Достойного ответа она не придумала. В руке оставался

только яблочный огрызок. Настасья метнула его незнакомцу в плечо.

Смех юноши удивил её. Он не был ни обидным, ни заискивающим. Так смеются люди, которым неожиданно стало легче. На миг шум площади отдалился. Настасья увидела тонкий белый рубец у его виска, выгоревшие брови и руки с зажившими следами верёвок. Перед нею стоял человек, вернувшийся оттуда, откуда обычно не возвращались. И всё же он смеялся. Эта простая дерзость показалась ей важнее богатства Головлёва и страха отца.

У церкви собирали не только невест. Здесь обменивались новостями люди, вернувшиеся с южных рубежей. Один казак рассказывал, что в Диком поле стало слишком тихо, а крымские купцы перестали вести обычные обозы. Старики переглядывались: такая тишина редко обещала мир. Гордей велел дочери не слушать.

— Женское дело — дом.

— А если война придёт к дому?

— Тогда мужчины остановят.

Настасья посмотрела на ратников с перевязанными руками и ничего не ответила.

Возле паперти торговала калачами вдова стрелецкого десятника. Она узнала Василия и бесплатно протянула ему горячий хлеб: её муж пропал в том же походе, в котором Кропоткин попал в плен. Василий взял калач, но отломил только половину, вторую оставил женщине.

— Если услышишь о Семёне, скажи правду, — попросила она. — Какую бы.

Он обещал, хотя знал: правды у него нет. В плену люди исчезали без могил и свидетелей.

Настасья увидела этот разговор издалека. Весёлый незнакомец с яблочным огрызком вдруг стал частью огромной незажившей беды. Она поняла, почему его лицо меняется, когда кто-то спрашивает о пропавших. Вернувшийся обязан отвечать за всех, кто не вернулся, хотя сам едва вынес собственную жизнь.

В тот вечер Настасья долго очищала стрелы от московской грязи. Устинья спросила, не собирается ли она сохранить и яблочный огрызок. Настасья посмотрела на липкую кожуру, рассмеялась и выбросила её в печь. Хранить было нечего. Важен оказался не огрызок, а минута, когда она впервые за долгое время поступила не так, как велели отец, свахи и здравый смысл. Незнакомец просто попался на пути этого первого непослушания.

Надеждой это ещё не было — всего лишь короткая перебранка у церкви. И всё же свадьба с Пахомием впервые перестала казаться неизбежной. Настасья невольно улыбнулась, вспомнив незнакомца у паперти.

* * *

Кропоткины держались у церковной стены тесной семьёй. Матрёна Ивановна, сухая женщина в тёмном платке, не сводила глаз с вернувшегося сына, будто боялась, что стоит от-

вернуться — и он снова исчезнет. Рядом стояла его младшая сестра Дуня, которую привезли на смотрины. Девушка была круглолицая, нарядная и совершенно равнодушная к женихам. Она разглядывала Настасьин колчан с куда большим интересом, чем собравшихся дворянских сыновей.

Настасья знала о Кропоткиных немного. Когда-то род их считался крепким, но после казанских походов осталось небольшое коломенское поместье и долги. Отец Василия погиб на службе, старший брат умер от горячки, а сам Василий пропал под Астраханью. Четыре года его считали то пленным, то мёртвым. Матрёна не заказала заупокойной службы. Каждую весну она посылала людей расспрашивать купцов и казаков, возвращавшихся с юга.

Свиньины, напротив, умели сохранять малое. Гордей старался не делать долгов, не потерял ни клочка земли, не пропустил ни одной службы. Но после смерти жены и сына всё его упорство обратилось на дочь. Настасья стала для него последней возможностью продолжить имя. Он любил её так, как скупой любит последний сундук: хранил, запирал и заранее решал, кому выгоднее передать.

Дуня подошла к Настасье первой.

— Брат сказал, вы умеете стрелять.

— Иногда попадаю.

— Научите?

— Если ваша матушка позволит.

Матрёна услышала и ответила издалека:

— Пусть сперва брат твой научится не попадать в плен.

Василий не обиделся. Только опустил взгляд. В доме Кропоткиных шутили всякий раз, когда правду становилось страшно произнести вслух.

После службы семьи разъехались, но Дуня успела сунуть Настасье маленькую костяную пуговицу.

— Брат потерял её у паперти. Возвратите сами.

Пуговица явно была отрезана только что: на обороте торчала свежая нитка. Настасья спрятала её в рукав. Так у их истории появился первый сообщник.

После смотрин Матрёна пригласила Настасью с отцом в гости. Гордей отказался, но приличие не позволило запретить дочери. Дом Кропоткиных в Москве состоял из двух комнат над мастерской родственника. Стены были чисто выбелены, однако мебель стояла разная: часть продали в годы поисков Василия, другую одолжили соседи к его возвращению.

За столом Василий почти не ел. Он ломал хлеб на мелкие куски и незаметно прятал два в рукав. Дуня заметила это и тихо выложила куски обратно.

— Здесь завтра тоже будет хлеб.

Василий смутился сильнее, чем от любой насмешки. Настасья сделала вид, что ничего не заметила, и заговорила о стрельбе. Много позже он признался: тогда её молчание было милосерднее любых слов.

Матрёна показала сыну комнату, сохранённую с его юно-

сти. На стене висел старый лук, под лавкой лежали сапоги, давно ставшие малы. Василий вошёл и сразу вышел.

— Не нравится? — спросила мать.

— Там живёт человек, которым я уже не умею быть.

Матрёна смотрела ему вслед. Домой вернулся сын — и всё-таки незнакомец. Потерянные годы вошли вместе с ним и теперь стояли между старым луком и опустевшей комнатой.

* * *

В доме Свиньиных ссора продолжилась за ужином. Гордей велел подать только хлеб и щи, будто скудная еда могла напомнить дочери о бедности Кропоткиных. Он перечислял расходы на коней, службу, зимний корм, починку кровли. За каждой цифрой стоял один вывод: любовь не платит податей.

— У Василия есть руки, — сказала Настасья.

— Руки есть у всякого холопа.

— А у Головлёва есть только сундуки.

— Сундуки не умирают на первой войне.

Последние слова ударили точно. Настасья встала так резко, что опрокинула чашу. Брат её действительно погиб, и Гордей умел превращать память о сыне в довод. Он говорил, что после той смерти обязан спасти хотя бы дочь. Но спасение в его понимании всегда означало послушание.

— Ты боишься потерять не меня, — сказала она. — Ты боишься, что после тебя никто не станет носить твоё имя.

Отец побледнел. Она впервые назвала вслух то, что оба

знали.

Ночью Настасья открыла сундук брата. Там лежали его ремень, ножны без ножа, несколько писем с юга и деревянная фигурка коня. В последнем письме он писал: «Отцу не перечь без нужды, но жизнь свою не отдавай за его страх». Раньше эта строка казалась ей дерзостью человека, знающего, что находится далеко. Теперь — разрешением.

Свиток Василия она нашла утром. Устинья делала вид, что не замечает, как хозяйка читает. Потом всё же спросила:

— Красиво пишет?

— Ошибок много.

— Стало быть, сам. Писарь написал бы гладко и соврал.

Настасья засмеялась. Письмо было коротким, но за каждой неровной строкой стоял человек, рискнувший обратиться к ней без отцов и сватов.

Гордей запретил дочери посещать Кропоткиных, но сам отправился к приказному знакомому узнавать о правах тайно обвенчанной женщины. Он ещё не знал о готовящемся венце; просто боялся возможностей. Вернулся мрачным: брак, совершённый священником при свидетелях, нельзя было уничтожить одним отцовским гневом.

С этого дня в доме изменился порядок. Устинью отсылали с поручениями, ворота запирали раньше, Настасьину одежду проверяла ключница. Гордей называл это заботой. Настасья — осадой. Она прятала письма в самых обычных местах: одно зашила в подол отцовского праздничного кафтана. Там

его никто не стал бы искать.

Письмо пролежало у Гордея три дня, пока Устинья не распорола шов. В нём Василий писал о свободе. Служанка смеялась так сильно, что едва не выдала их.

— Выходит, боярин сам носил у сердца приглашение к вашему побегу.

Настасья не выдержала и рассмеялась. За запертыми воротами сразу стало просторнее.

Наутро Гордей привёл портного снимать мерки для свадебного платья. Настасья стояла неподвижно, пока мужчина обводил лентой талию и плечи. Каждая мерка превращала угрозу в вещь, которую можно потрогать. Когда портной спросил о цвете, она ответила: «Чёрный». Гордей выгнал его.

Позднее отец вернулся один.

— Хочешь опозорить меня перед всей Москвой?

— Я хочу, чтобы ты увидел: свадьба, на которой невеста скорбит, уже позор.

Гордей ударил ладонью по столу, но не дочь. Между ними ещё оставалась граница, которую он боялся перейти.

Она прочла письмо трижды, сложила и зашила в подкладку платья. Потом заплакала от радости.

Глава 2. За папертью

Дождь стучал по тесовой кровле так часто, будто кто перебирал горсть сухого гороха. Василий говорил негромко и смотрел не на Настасью, а в тёмный двор, где вода стекала с желобов. Плен научил его не поворачиваться спиной к открытым воротам. Даже здесь, в Москве, он всякий раз отмечал, кто прошёл мимо, у кого под кафтаном нож, кто задержал шаг. Настасья заметила это и впервые поняла: из степи вернулся не тот беззаботный юноша, каким его помнила мать, а человек, привыкший ждать удара прежде, чем услышит свист клинка.

Он рассказал ей о первой зиме у ногайского мурзы. О том, как мороз ночью схватывал верблюжью шерсть белым панцирем, а пленники грели руки над навозным огнём. О русском стрельце Федьке, который делил с ним последнюю лепёшку и всё повторял, что человек жив, пока помнит дорогу домой. Федька погиб за два дня до побега. Василий нёс его пояс до самой Оки и теперь прятал под рубахой медную пряжку — единственное, что осталось от товарища.

— Отчего же ты смеялся у церкви? — спросила Настасья. — После всего этого.

— Потому и смеялся, — ответил он. — Когда четыре года не волен решить, куда сделать шаг, смешным становится многое из того, перед чем люди здесь трепещут. Чин, по-

клон, сердитый боярин. Страшно другое: снова отдать свою волю и назвать это покоем.

Настасья слушала и вспоминала отцовские распоряжения. Ей тоже хотелось самой решать, куда идти и с кем жить.

На следующей встрече Василий пришёл раньше и принёс кусок степной соли, серой и твёрдой, будто камень. Он сказал, что в плену хранил такой же обломок на случай побега: соль помогала идти без пищи. Настасья повертела подарок в пальцах и спросила, почему он показывает ей то, о чём не говорит даже матери.

— Мать ждала прежнего сына, — ответил он. — Не хочу отнимать у неё надежду сразу.

— А у меня можно?

— Ты не знала прежнего. Тебе не с кем сравнивать.

Настасья не согласилась. Она видела, как Василий вздрагивает, когда за спиной хлопает дверь; как выбирает место лицом к выходу; как замолкает при виде верёвки на телеге. Плен следовал за ним по Москве, невидимый для людей, которые считали, что возвращение домой всё исцеляет. Она не пыталась его утешать. Просто однажды стала рядом так, чтобы прикрыть ему спину. Василий заметил и больше не рассказывал, что не боится.

Они говорили о будущем неловко, будто примеряли одежду, сшитую на других. Василий обещал дом в Коломне, но признавался, что крыша течёт, сад вымерз, а дворов осталось меньше, чем пишет Гордей. Настасья отвечала, что уме-

ет считать запасы, лечить лошадей и не боится работы. О любви они почти не говорили, зато не скрывали друг от друга ни долгов, ни забот.

Перед расставанием у паперти появился церковный сторож. Он слишком долго поправлял засов и прислушивался. Василий продолжил говорить о погоде, а Настасья нарочно пожаловалась на предстоящие смотрины. Лишь выйдя на улицу разными дорогами, они поняли, как близко подошла опасность. С тех пор перед каждым свиданием приходилось проверять, нет ли поблизости соглядатаев.

После каждой встречи Василий долго бродил по Москве, не решаясь сразу идти домой. Слишком резким был переход от разговора с Настасьей к комнате, где мать следила за каждым его движением. Любовь Матрёны была тревожной: она хотела накормить, согреть, расспросить, убедиться, что сын никуда не исчезнет. Василий понимал её и всё же задыхался.

Однажды он признался в этом Настасье.

— Неблагодарный я. Она четыре года ждала.

— Ты ведь не мальчишка уже.

— Легко сказать.

— Мне ли? Отец тоже называет клетку заботой.

В тот вечер они долго говорили о родителях. Василий признался, что порой и дома чувствует себя несвободным.

Настасья предложила Василию говорить с матерью прямо. Он отказался. После плена любое столкновение с близкими казалось опаснее драки. С чужим врагом всё ясно; родной

человек способен ранить, даже желая добра. Тогда Настасья не стала настаивать. — А коли промолчишь, она так и будет решать за тебя, — сказала Настасья.

Третья встреча состоялась на колокольне. Дуня отвлекала сторожа, Устинья караулила лестницу. Москва лежала внизу тёмными крышами, над которыми поднимался дым. Отсюда город казался спокойным, почти игрушечным. Не было видно ни отцовских приказов, ни приказных слуг, ни дорог на юг.

Василий принёс лук и предложил Настасье показать, как она стреляет. Мишенью выбрали сучок в тесовой стене старого сарая. Первая стрела легла ниже, вторая расщепила доску рядом. Третью остановил звон колокола: сторож неожиданно потянул верёвку, и Настасья вздрогнула. Василий заслонил её собой раньше, чем понял, что опасности нет.

Она увидела, как он побледнел.

— В плену били в колокол?

— Нет. Там звенели цепи у верблюдов.

— Тогда отчего?

— Громкий звук за спиной.

Он позволил ей коснуться рубца у виска. Под пальцами кожа была гладкой и холодной. Василий не отвёл головы. Настасья почувствовала, как дрогнули её пальцы.

Василий поцеловал её только после того, как спросил разрешения. Вопрос показался Настасье странным — мужчины вокруг считали её согласие семейным делом. Она ответила

не сразу, наслаждаясь самой возможностью выбирать. Потом сказала «да». Колокол над ними снова ударил, и на этот раз Василий не вздрогнул.

* * *

Пахомий Головлёв принял Гордея прежде дочери. Они говорили за закрытой дверью, но Настасья слышала их из соседней горницы. Настасья различила слова «поместье», «род» и «срок». Отец обещал свадьбу после Троицы. Головлёв отвечал, что спешить некуда: девица должна войти в его дом по своей воле, иначе будущие тяжбы погубят замысел. Эта предусмотрительность испугала Настасью сильнее прямой угрозы.

Старик оказался совсем не таким, каким она его представляла. Он не тянул к ней рук, не говорил слащавых слов, не хвастался богатством. Пахомий сидел у окна, укрытый собольей шубой, хотя в комнате было жарко, и рассматривал бумаги. На столе лежала родословная с пустой ветвью, начатой от его имени. Он хотел не жену, а продолжение строки.

— Любите ли вы кого-нибудь? — спросила Настасья.

— Любил, — ответил он. — Потому и знаю, как мало любовь значит перед смертью рода.

— Для вас, может быть.

— Для всякого. Только молодые узнают это поздно.

Перед уходом Пахомий остановил Гордея.

— Не запирай её. Запертая девица думает о побеге. Дай ей ходить, молиться, видеться с людьми. Пусть сама увидит,

что бедный муж приносит любовь на неделю, а голод — на всю жизнь.

Головлёв не собирался ломать её силой. Он мог ждать, пока за него поработают война, нужда и страх. Значит, медлить было нельзя.

Через день после визита к Головлёву у дома Свиньиных появился новый человек — степенный, в неброском кафтане, с лицом приказного служителя. Он не входил, только часами стоял у торговой лавки напротив. Устинья заметила, что покупок тот не делает, а смотрит на ворота. Гордей назвал его случайным прохожим и слишком быстро отвёл глаза.

Настасья решила проверить слежку. Отправила Устинью с пустым молитвенником к Варварским воротам, а сама вышла через двор соседей. Приказной последовал за служанкой. На полпути его сменил молодой подьячий, которого Настасья видела в доме Головлёва. За обеими следили люди Головлёва.

Вечером Пахомий прислал подарок: маленький серебряный ларец с жемчужной застёжкой. Внутри лежало зеркало и записка: «Женщина должна видеть, что теряет». Настасья посмотрела на своё отражение — бледное лицо, рыжая коса, упрямо сжатые губы — и велела Устинье отнести ларец обратно.

— Что сказать?

— Что я вижу именно то, что могу потерять.

Гордей узнал о возвращённом подарке и впервые не закричал. Он сел на лавку, закрыл лицо руками и признался, что уже взял у Головлёва задаток: деньги пошли на старый служилый долг. Если свадьба сорвётся, возвращать придётся вдвойне, а поместье могут описать. Настасья смотрела на его побелевшие пальцы. Отец уже истратил деньги, полученные за обещание выдать её замуж.

Пахомий показал Настасье портрет первой жены. Изображение потемнело, но лицо молодой женщины оставалось ясным. Она умерла при родах вместе с ребёнком. Вторая прожила пять лет и не смогла родить. Третья погибла от горячки. Старик говорил об этом без слёз, перечисляя даты так, будто читал поминальную книгу.

— Вы любили их? — спросила Настасья.

— Каждую по-своему.

— И всё же ищете четвёртую ради наследника.

— Именно потому, что любил. После них должен кто-то остаться.

— Память не рождается по приказу.

— Память без имущества быстро беднеет, дитя.

Пахомий подвёл её к окну. За домом стояли амбары, конюшня, людские избы. Сотни людей зависели от того, кому перейдёт поместье. Если наследника не будет, землю разделят, служилых переведут, семьи разорвут.

— Ты думаешь, я спасаю только имя. Я спасаю порядок, который переживёт меня.

Его довод был разумен — и оттого страшен. Отдать одну женщину за спокойствие двух семей казалось почти справедливым, если не смотреть ей в лицо.

— А чего хотите от меня, кроме сына?

Старик задумался.

— Чтобы не презирала.

Это была единственная просьба, которую он произнёс не как условие. Настасья не смогла обещать. Но после этого уже не считала Пахомия человеком без сердца. Сердце у него было — просто он подчинил ему чужую жизнь.

* * *

Первые письма были осторожными. Василий спрашивал о здоровье матери, Настасья — о его службе. Они писали так, словно свиток мог оказаться в чужих руках. На четвёртом письме осторожность кончилась. Василий признался, что каждую ночь видит степь и просыпается, нащупывая нож. Настасья ответила, что иногда завидует птицам над Москвой: им не требуется отцовское благословение, чтобы выбрать крышу.

Устинья придумала прятать листки между двумя склеенными страницами молитвенника. Для виду книга всегда лежала открытой на покаянном каноне. Однажды Гордей вошёл без стука и взял её в руки. Настасья успела подумать, что всё кончено. Отец перелистал страницы, задержался на месте склейки, но в этот миг во дворе закричали: загорелась солома. Пока тушили, Устинья вынула письмо и спрятала за

иконой.

После этого Василий стал ставить в начале каждого послания условное слово. «Ястреб» означал, что всё безопасно. «Ворон» — что письмо могли прочитать. Однажды пришёл свиток с вороном. Текст был обычным, почти холодным. Только последние буквы строк складывались в просьбу не приходить к церкви. Возле паперти их ждали люди Головлёва.

Теперь Настасья опасалась и людей Головлёва. Кто-то следил за Устиньей, расспрашивал извозчиков, платил церковному сторожу. Пахомий не собирался похищать её; он собирал доказательства. Если тайный венец состоится, он хотел уничтожить его в приказе, объявив священника корыстным, а Василия — обманщиком. Теперь следовало позаботиться и о безопасности священника.

Устинья относилась к переписке серьёзнее обоих влюблённых. Она завела три молитвенника: один настоящий, второй с пустыми страницами, третий с безобидными письмами о погоде. Если за ней следили, она заходила в церковь и меняла книги у свечного ящика. Настасья шутила, что служанка могла бы водить за нос целый Посольский приказ.

— Любовь ваша, боярышня, без разумного человека давно сидела бы под замком, — отвечала Устинья.

Однажды она не вернулась к вечеру. Настасья всю ночь ждала у окна, представляя допрос, побои, людей Головлёва. Устинья пришла утром, босая и злая. Подьячий погнался за

ней от Варварских ворот; пришлось бросить сапоги в грязи и перелезть через двор кожевника. Письмо она сохранила, зашив в косу.

— Больше не пойдёшь, — сказала Настасья.

— Пойду. Только сапоги другие возьму.

Дуня Кропоткина стала вторым связным. На смотринах никто не обращал внимания на младшую сестру бедного дворянина, и она этим пользовалась. В письмах к Настасье Дуня писала о брате то, чего он сам не рассказывал: как по возвращении из плена неделями спал у двери, как не позволял гасить печь, как однажды ушёл из дома, услышав татарскую речь на рынке.

Настасья ответила не вопросами, а рассказом о себе: о брате, о страхе перед отцом, о том, как после материнской смерти научилась прятать слёзы, чтобы Гордей не счёл их непослушанием. Письмо предназначалось Василию, но сначала его прочла Дуня. Так в их союз вошёл ещё один человек, знавший цену молчанию.

Пахомий заподозрил, что письма передают через Устинью. Устинью остановили у ворот его люди, нашли пустой молитвенник и отпустили. Настоящий свиток был спрятан в рукаве, но старик догадался о подмене. На следующий день он прислал Настасье копию другого письма — поддельного, будто Василий отказывается от неё ради службы.

Подделка была искусной. Подражатель воспроизвёл неровный почерк Василия и упомянул подробности, извест-

ные лишь близким. Настасья читала и чувствовала, как земля уходит из-под ног. Спасла одна деталь: Василий никогда не называл её «голубицей». Так обращался Пахомий при первой встрече.

Она ответила старцу собственной подделкой — короткой запиской, будто поверила и готова принять помолвку. Затем через Дуню предупредила Василия, что за ним следят. Люди Головлёва ослабили наблюдение, решив, что победили. Это позволило подготовить тайный венец.

Когда Пахомий понял обман, он не разгневался. Велел подьячему сохранить обе записки.

— Девица умеет видеть слабое место в письме. Будь она сыном, из неё вышел бы приказной человек.

Одно письмо Василий посвятил будущему дому. Он описывал коломенский сад: две старые яблони, пустой улей, колодец с кривым воротом. Предлагал посадить вишню у южной стены. Настасья отвечала деловито — где взять саженцы, как починить крышу, сколько дворового зерна оставить на зиму. Они строили жизнь на бумаге, потому что иной возможности не имели.

В другом письме Настасья призналась, что не хочет детей сразу. Она боялась повторить судьбу матери и жён Головлёва, боялась стать для мужа только способом продолжить род. Отправив свиток, всю ночь ждала отказа. Ответ пришёл через два дня: «Мне нужна ты. Дети, если Бог даст, придут в наш дом, а не заменят тебя в нём».

Это письмо она перечитала несколько раз. Настасья спрятала письмо отдельно, в ладанке. Позднее у брода оно намокнет от воды и крови, но последние слова останутся читаемыми.

Глава 3. Тайный венец

Священник отец Савватий согласился венчать их не сразу. Он трижды спрашивал, почему нельзя получить согласие Гордея, и предупреждал, что тайная служба вызовет тяжбу. Василий предлагал заплатить. Савватий рассердился:

— Если думаешь купить таинство, ступай к другому. Я венчаю не за серебро, а потому, что принуждение к браку хуже непослушания.

Он потребовал от каждого отдельную исповедь и только после этого назначил день. Настасья вышла из церкви бледная: на исповеди ей пришлось признаться, что она хочет и замуж за Василия, и прочь из отцовского дома.

— А если я за тебя иду только затем, чтобы из отцовского дома вырваться?

— Тогда не спеши. Я не хочу, чтобы ты потом пожалела.

Он не стал её удерживать. Настасья помолчала, затем взяла его за руку.

За час до венчания Настасья едва не отказалась. Она боялась, что слишком поспешила. Она знала Василия меньше месяца. Знала его смех, рубцы, несколько писем и рассказы о плене. Не знала, как он ведёт себя в гневе, как распоряжается деньгами, способен ли простить слабость. Тайный венец мог оказаться другой клеткой, только выбранной ею самой.

Матрёна нашла её за церковью.

— Бежать хочешь?

— Думаю.

— Думай. Пока поп не начал службу, ты никому ничего не должна — ни сыну моему, ни мне.

— Вы не станете уговаривать?

— Если Василию нужна жена, которую привели уговорами, он ничем не лучше твоего Головлёва.

Настасья подняла глаза. Такого ответа она не ожидала.

Василий ждал у аналоя и сразу понял, что произошло. Он не спросил, передумала ли она. Сказал, что готов отпустить и никогда не упрекнёт. Настасья посмотрела на его руки: пальцы дрожали, хотя голос оставался ровным.

— Я боюсь, — призналась она.

— Я тоже.

— Тогда почему стоим?

— Я хочу на тебе жениться. А ты сама решай, Настасья.

Церковь была так мала, что пламя семи свечей отражалось сразу во всех потемневших ликах. Священник трижды спросил, свободной ли волей идут они под венец. Василий отвечал твёрдо. Настасья же перед первым словом услышала за стеной конский топот и подумала, что отец успел. Сердце ударило так сильно, что она едва не выронила свечу. Но кони миновали церковь, и тогда она сказала: «Да», — уже не шёпотом, а так, чтобы слышали и живые, и мёртвые.

Матрёна сняла с шеи маленький кипарисовый крест и надела невестке. Крест принадлежал ещё Василиевой бабке,

пережившей два пожара и моровое поветрие. «В нашем роду, — сказала она, — женщины не ждут, пока беда решит за них». Устинья отвернулась к окну, делая вид, будто поправляет занавеску, и торопливо вытирала лицо рукавом.

После службы молодые вышли через низкую ризничную калитку. На пустыре пахло мокрой землёй. Василий хотел сказать что-нибудь торжественное, но не нашёл слов. Настасья сама взяла его за руку. Впереди была разлука, а до неё оставалось совсем немного времени.

После венчания Матрёна вручила им икону и связку ключей от коломенского дома. Среди больших железных ключей был маленький медный.

— От сундука с долгами, — пояснила она. — Чтобы не думали, будто начинаете жизнь с одного благословения.

Настасья рассмеялась. Протекающая крыша, вымерзший сад и сундук с долговыми записями — вот какое хозяйство ей предстояло принять.

До разлуки оставалось меньше часа. Матрёна и Устинья ушли вперёд проверять дорогу. Василий и Настасья сидели на поваленном бревне — уже муж и жена, но всё ещё не зная, как обращаться друг к другу. Все торжественные слова закончились. Остались дождь, мокрая трава и неловкость. Василий попытался выглядеть семейным человеком, но сел на муравейник и вскочил прежде, чем жена успела спросить, что случилось. Настасья рассмеялась. Первый их семейный спор закончился победой муравьёв.

— Ты назвала меня Васей, — заметил Василий.

— Ошиблась.

— Никто так не зовёт.

— Теперь кто-то зовёт.

Он улыбнулся. Ему понравилось, как она произнесла его имя.

Они договорились не скрывать страх. Если Василий уходит на службу — говорит, чего боится. Если Настасья сомневается в браке — говорит прежде, чем сомнение станет ложью. Обещание прозвучало просто.

* * *

За неделю до сбора Василий почти не бывал дома. Он искал исправный самопал, менял коня, договаривался с кузнецом о новой пружине для замка. Денег не хватало. Матрёна сняла серебряные серьги и продала их на торгу. Узнав об этом, Василий рассердился.

— Отец подарил.

— Отец подарил, чтобы я берегла семью. Вот и берегу.

Она не позволила ему вернуть оружие.

На последнем семейном ужине Матрёна поставила на стол четыре чаши, хотя Василий, Дуня и она были втроём. Четвёртая предназначалась покойному отцу — так делали перед долгой дорогой. Василий хотел убрать её, но мать не позволила.

— Пусть видит, что сын его идёт не за славой.

— А за чем?

— За тем, чтобы враг не пришёл к нашему столу.

Дуня подарила брату вышитый мешочек для пороха. Стежки были кривыми, а вместо креста получилась звезда с лишним лучом. Василий долго вертел подарок и объявил, что такой знак отпугнёт врага: тот просто не поймёт, с какой стороны креститься. Дуня фыркнула, но губы у неё задрожали. До самого двора она держалась, потом убежала в сарай и там разрыдалась. Настасья нашла её между вёдрами и старой сбруей.

— Все говорят, он вернётся, — сказала Дуня. — Но так же говорили четыре года назад.

Настасья не стала обещать невозможного. Они вместе перебрали Василиевы вещи и составили список тех, кому сообщать вести. Дуня отдала ей половину маленькой серебряной монеты, вторую половину зашила брату в пояс. Если придёт неизвестный гонец, он должен показать совпадающий излом. После слежки Головлёва они перестали верить словам без знака.

Настасья пришла проститься под видом поездки к заутрене. Устинья ждала в стороне, следя за переулком. Молодые успели побыть одни лишь несколько минут. Василий отдал жене медную пряжку Федьки.

— Не хочу брать её в бой. Если погибну, пропадёт.

— Возьмёшь. Она уже вывела тебя домой.

Настасья сама застегнула пряжку на его поясе.

Настасья хотела признаться ему в любви, но заговорила о

другом.

— Не обещай вернуться, — сказала она. — Обещай другое. Если снова попадёшь в плен или останешься один, не ищи смерти только потому, что тебе будет стыдно выжить.

Василий долго смотрел на неё. После первого плена он никому не признавался, что именно этого стыдился сильнее цепей.

— Не стану искать смерти, — ответил он.

Тогда Настасья поцеловала его сама — быстро, сердито, словно скрепляла не нежность, а договор. Из переулка деликатно кашлянула Устинья.

Чуть дальше, у закрытой лавки, стоял приказной в неброском кафтане. Когда он отвернулся, из-под полы качнулась свинцовая печать Пахомия Головлёва. Настасья успела её заметить. Их прощание оказалось не таким тайным, как они надеялись.

У Земляного города собирались люди со всей округи. Одни приехали в добрых панцирях, другие — в домотканых кафтанах с копьями, ещё пахнувшими свежим деревом. Богатые слуги привязывали к сёдлам запасных коней. Бедные делили один мешок сухарей на троих.

Перед самым выступлением к Василию подошёл незнакомый приказной человек.

— Кропоткин? Тебя ищут по делу о незаконном венчании.

Василий положил ладонь на рукоять.

— Вернусь — отвечу.

— А если не вернёшься?

— Тогда отвечать будет некому.

Сотня тронулась прежде, чем приказной решился задержать его. Так война на время спасла Василия от суда, но оставила Настасью одну перед последствиями их выбора.

Когда сотня ушла, на дороге остались следы копыт и несколько оброненных соломин. Матрёна перекрестила пыль. Дуня подняла одну соломину и спрятала в рукав. Настасья стояла, пока последний блеск оружия не исчез за поворотом. Потом три женщины вернулись в город, где каждая должна была ждать по-своему.

У ворот Василий сказал, что не боится смерти, а Настасья заверила его, что спокойно дождётся. Теперь, когда сотня ушла, оба вспомнили своё обещание говорить друг другу правду.

Василий догнал гонца и передал короткую записку: «Солгал. Боюсь не вернуться». Настасья получила её вечером, уже запертая отцом. Ответ написала углём на обрывке ткани: «И я солгала. Не умею спокойно ждать». Устинья вынесла лоскут под языком, когда слуги проверяли одежду.

Записка дошла до Василия в Коломне. Он привязал её к мешочку Дуни и перед каждым боем перечитывал.

Сотня остановилась на первую ночь у Москвы-реки. Василий не спал. В темноте мужчины говорили о жёнах, долгах и будущем урожае. Один хвастался, что жена встречает

его молча и никогда не спорит. Ерёма спросил, не глухая ли она. У костра засмеялись, хвастун обиделся, а Василий промолчал. Его ждала жена, которая спорила даже тогда, когда была согласна, и сейчас оставалась среди врагов без оружия и признанного имени.

Он хотел повернуть обратно. Не из трусости перед войной, а из страха за Настасью. Ерёма выслушал и сказал:

— Вернёшься — отца её напугаешь на день. Хана не остановишь. Иди туда, где сейчас твоя обязанность. А она свою дорогу найдёт.

Василий не ответил. До рассвета он так и не уснул.

Глава 4. Затвор

В горнице не было окна. Утром над воротами кричали торговки, днём во дворе рубили дрова, вечером отец долго ходил внизу из угла в угол. Настасья прислушивалась к его шагам. В первый день он ходил быстро, на второй подолгу останавливался возле лестницы. После приезда посланника Головлёва шаги стали редкими, тяжёлыми.

Еду приносила старая ключница, когда-то нянчившая Настасью. Она ставила миску у порога и не поднимала глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.